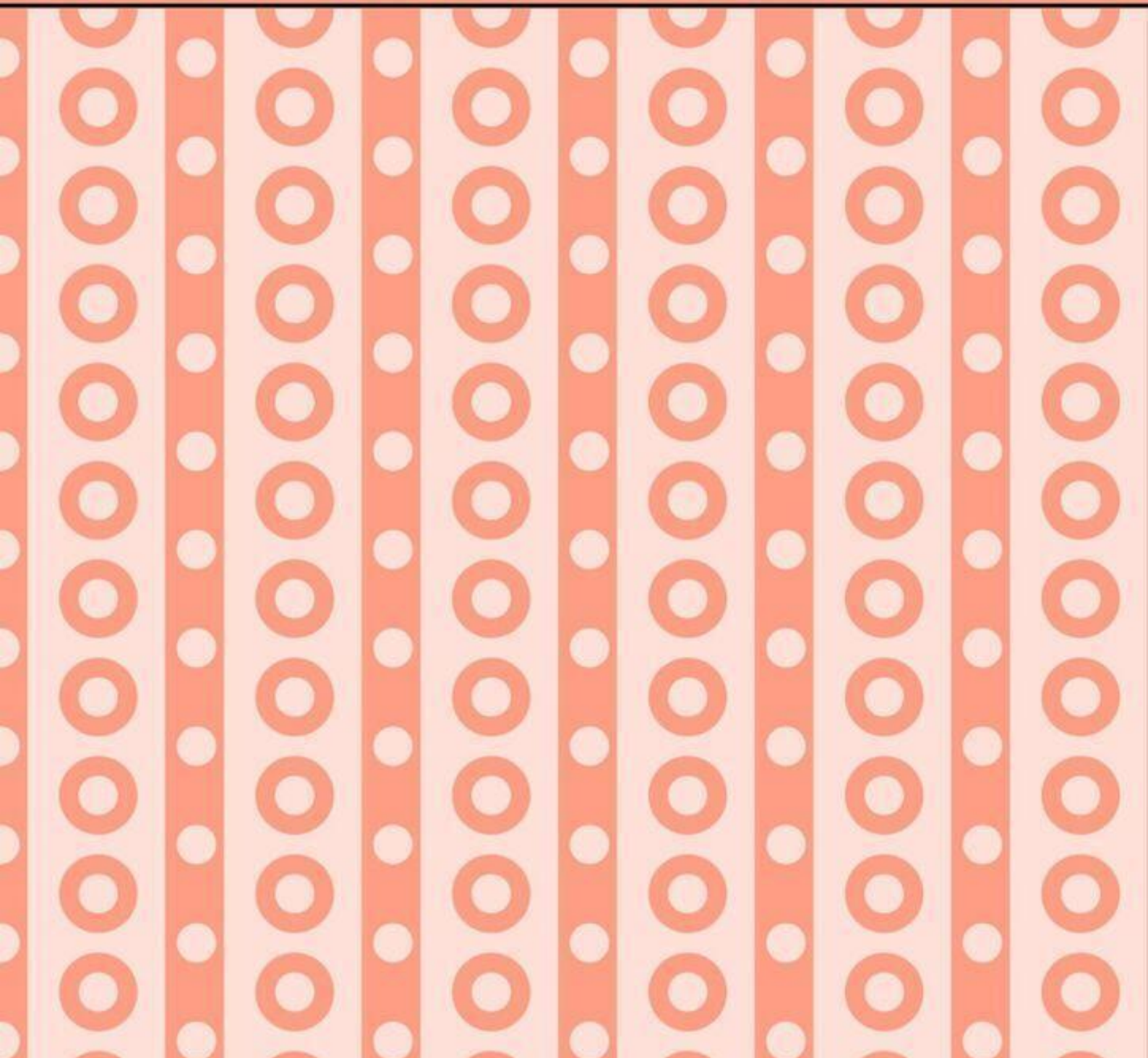
18+

Симон Мирный

Белая мгла



Симон Мирный

Белая мгла

«Издательские решения»

Мирный С.

Белая мгла / С. Мирный — «Издательские решения»,

Катастрофа: Три месяца назад по всей планете прокатилась Белая мгла — густой белый туман неизвестного происхождения. Она пришла отовсюду: из-под земли, из водоёмов, из трещин в асфальте. Те, кто вдохнул её в больших дозах, умерли в течение суток от острой дыхательной недостаточности. Те, кто получил малую дозу, выжили — но изменились. Мутации начались повсеместно: среди людей, животных, растений.

© Мирный С.
© Издательские решения

Содержание

БЕЛАЯ МГЛА 6
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Белая мгла

Симон Мирный

© Симон Мирный, 2026

ISBN 978-5-0071-4821-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕЛАЯ МГЛА
Глава 1. Пробуждение

Денис проснулся от того, что не мог дышать.

Не так, как при простуде, когда нос заложен и горло дерёт — нет. Воздух словно стал гуще. Каждый вдох давался с усилием, будто вместо кислорода в лёгкие входила вода. Он сел на кровати, откинул одеяло и увидел, что комната полна белого тумана.

Не того тонкого тумана, что по утрам стелется над рекой и рассеивается с первыми лучами солнца. Это была мгла — плотная, белая, почти осязаемая. Она заполняла комнату от пола до потолка, как молоко, налитое в банку. Денис не видел собственной вытянутой руки. Он не видел двери, до которой было три шага. Он не видел окон.

Часы на тумбочке показывали 6:14. Утро вторника. Денис помнил это точно, потому что накануне допоздна смотрел отчёты по стройке и поставил будильник на шесть. Объект на улице Тургенева сдавали через неделю, и подрядчик опять завалил сроки по фундаменту. Он думал об этом, засыпая. Он думал об этом и сейчас — в этой белой, невозможной, ненормальной мгле.

Он встал. Пол был холодным — паркет, который он сам выбирал и сам клал в своей однокомнатной квартире на Краснодарской. Ноги ощутили не привычное тепло дерева, а липкий холод, будто паркет промок. Денис нашарил телефон на тумбочке. Экран загорелся — сеть отсутствовала. Ни делений, ни значка оператора. Только время и разряженная батарея.

Он набрал 112 и приложил телефон к уху. Тишина. Не гудки, не «абонент недоступен» — просто ничего. Как будто звук умер вместе со связью.

— Ладно, — сказал Денис вслух. Голос прозвучал глухо, будто мгла его поглотила.

Он пошёл к двери, ведя рукой по стене. Шаг. Второй. Третий. Кисть наткнулась на дверной косяк. Он толкнул дверь и вышел в коридор. Мгла была везде. Она текла по коридору пятиэтажки, как река, как живое существо. Денис почувствовал, как она лизнула лицо — тёплая и влажная. Это было отвратительно. Не страшно — отвратительно. Как прикосновение чего-то чужого, что не должно тебя касаться.

Он задержал дыхание и пошёл к входной двери. Босиком, в трусах и майке. Потом остановился. Вернулся. Нашарил в шкафу куртку, ботинки, джинсы. Не потому что знал, что происходит — потому что всегда одевался, когда выходил из дома. Это было правилом. Правила держали мир вместе. Если мир разваливается, правила нужны ещё больше.

На кухне он намочил шарф под краном — вода текла, значит, насос ещё работал, значит, давление в системе ещё держалось. Он прижал мокрую ткань к лицу. Дышать стало чуть легче. Потом взял с кухни нож — большой, поварской, с лезвием двадцать сантиметров — и вышел из квартиры.

На лестничной клетке было тихо. Мгла стояла плотно, но как будто тоньше, чем в комнате. Денис сделал вдох и закашлялся. Воздух царапал горло, как наждак.

Четвёртый этаж. Квартира напротив — Галина Петровна, пенсионерка, которая всегда здоровалась и угощала яблоками. Денис постучал. Тишина. Постучал громче.

— Галина Петровна?

Ничего. Он толкнул дверь — незаперта. Вошёл. Мгла. Тишина. На кухне, за столом, сидела Галина Петровна. Голова лежала на столе, на скатерти в клетку. На столе — недопитый чай, остывший. Рядом — открытая баночка с вареньем и ложечка. Она выглядела спящей. Но Денис знал, что она не спит. Он подошёл, приложил пальцы к шее. Холодно. Пульс — нет. Он отнял руку, посмотрел на лицо старой женщины. Спокойное. Без мучений. Слегка приоткрытые губы, будто она задремала за чашкой чая.

Денис вышел, закрыл дверь. Не захлопнул — аккуратно прикрыл, как принято. Сердце не колотилось. Руки не тряслись. Он чувствовал пустоту — не ужас, не горе, а именно пустоту, как будто из него вынули что-то, и на это место налили холодную воду. Галина Петровна умерла. Он это понял. Он это принял. Он пошёл дальше.

На третьем этаже он услышал кашель. Рвущийся, хриплый, влажный. Кто-то кашлял за дверью квартиры номер 34. Денис остановился. Кашель оборвался, и послышался стон — тихий, протяжный, как у человека, который не имеет сил звать на помощь, но ещё не потерял надежду.

Денис постучал.

— Эй! Кто там?

Кашель. Стон. Потом голос — молодой, мужской, с хрипом:

— Открой… я не… дойти…

Денис попробовал ручку. Заперто. Он отошёл на шаг и ударил ногой в район замка. Дверь была деревянная, старая, ещё советская — петли держали, но косяк рассохся. Второй удар. Третий. Дверь распахнулась.

Внутри — мгла. На полу коридора, у самой двери, лежал парень. Лет двадцати пяти — двадцати семи, в мятой футболке с логотипом какой-то группы, в трусах. Лицо красное, потное, глаза слезятся. Он хватал воздух ртом, как рыба.

Денис не стал думать. Он подхватил его под мышки, потащил к лестнице, вниз. Мокрый шарф — он намотал парню на лицо. Тот закашлял ещё сильнее, но дышать стал глубже.

— Можешь идти?

— Ноги… — парень попытался встать и тут же осел. — Не держат.

Денис взвалил его на плечо. Парень был лёгкий — килограмм шестьдесят, не больше. Спустился на первый этаж. Вышиб входную дверь. Вышел на улицу.

И остановился.

Мир, который он знал, исчез. Не физически — дома стояли, асфальт лежал, деревья росли. Но всё было покрыто белой мглой, и в этой мгле всё выглядело иначе. Призрачно. Нереально. Серые стены пятиэтажек тонули в белом, как корабли в тумане. Машины на парковке — чьи-то «Жигули», чья-то «Лада» — были покрыты белым налётом, будто инеем. Деревья стояли с белыми стволами, как призраки. Небо не было видно. Вместо него — белая пелена, равномерная, без солнца, без облаков, без направлений.

Денис стоял на крыльце, с парнем на плече, и смотрел на новый мир. Мокрый шарф прижат к лицу. Нож за поясом. Батарея на телефоне — восемь процентов.

Он не знал, что это. Он не знал, почему. Он знал только одно: надо двигаться. Стоять — значит умереть.

Он пошёл.

— —

Кирилл не помнил, как остался жив.

Три дня назад — три? или четыре? он потерял счёт — он играл в баре «Подкова» на улице Красной. Второй сет, около одиннадцати вечера. Народу было немного — человек двадцать, не больше. Он пел «Кино», потом «Сплина», потом свои песни, которые никто не слушал, но все хлопали, потому что так принято. Между сетами он сидел у бара, пил пиво и разговаривал с девушкой — рыжей, с веснушками, с именем, которое он забыл через минуту после того, как она назвала.

Потом кто-то закричал у входа. Кирилл повернулся и увидел, как в дверь вливается белый туман. Он тек, как вода, но не вниз — во все стороны сразу, заполняя помещение снизу. Кто-то побежал к чёрному ходу. Кто-то к окнам. Бармен упал за стойку, держась за горло. Девушка с веснушками закричала — пронзительно, страшно — и тоже упала. Кирилл стоял на маленькой сцене с гитарой в руках и смотрел, как мгла поднимается. Она дошла ему до колен, до пояса, до груди. Он вдохнул — и мир взорвался изнутри.

Боль. Жгучая, как от кислоты. Лёгкие горели. Он упал на колени, выронил гитару. Перед глазами — белое, белое, белое. Он не видел сцены, не видел зала, не видел рук, которыми закрывал лицо. Он чувствовал только боль и ещё — вкус крови на губах, тёплый и металлический.

Потом боль ушла. Не сразу — отступала волнами, как отлив. Он лежал на полу, и мгла была над ним, плотная, но он дышал. Трудно, хрипло, с присвистом — но дышал. Он поднялся. Бар был пуст. Вернее — полон тел. Двадцать с лишним человек лежали на полу, за столиками, у бара, у входа. Некоторые — неподвижно. Некоторые — стонали. Большинство — тихо и навсегда.

Кирилл стоял посреди мёртвого бара и чувствовал… ничего. Ни страха, ни горя, ни паники. Только холодную, ровную пустоту, как будто внутри него выключили свет. Он посмотрел на тела, на опрокинутые стулья, на разбитые бокалы, на лужу пива, растекшуюся по полу, — и ничего не шевельнулось. Ни в груди, ни в горле. Он не заплакал. Он не закричал. Он просто встал, отряхнул колени и пошёл к выходу.

На улице его ждал белый, молчащий, мёртвый город.

Кирилл не стал разбираться, что произошло. Он не стал искать причины, паниковать или молиться. Он сделал то, что умел лучше всего — приспособился. Нашёл магазин «Магнит» через два дома — дверь была выбита, внутри — мгла и тишина. Он набрал в рюкзак воду, консервы, печенье, батарейки. Нашёл аптечку за прилавком — забрал. Нашёл фонарик — забрал. Нашёл нож для вскрытия коробок — забрал.

Он шёл по городу три дня. Или четыре. Он не знал. Дни были одинаковыми — белые, без рассвета и заката, без утра и вечера. Он спал там, где заставала усталость: в подъездах, в магазинах, в чьей-то брошенной машине. Ел консервы. Пил воду. Дышал через мокрую тряпку. Разговаривал сам с собой, потому что тишина была хуже, чем собственный голос. Он пел — тихо, чтобы не привлечь то, что могло прятаться в мгле. Он не видел ничего живого — ни людей, ни животных, ни птиц. Только белый, мёртвый, молчащий мир.

Иногда он натыкался на тела. Лежали на тротуарах, в машинах, на скамейках. Люди умерли тихо — без ран, без крови, просто задохнулись. Кирилл проходил мимо, не останавливаясь. Он не задерживался, не присматривался, не пытался узнать, жив ли кто-то. Это было не равнодушие — это было выживание. Остановиться — значит начать думать. Начать думать — значит начать чувствовать. Начать чувствовать — значит сломаться. А сломаться — значит умереть.

Кирилл не хотел умирать. Не потому что любил жизнь — он не знал, любит ли. Просто потому что умирать было неудобно. Это звучало цинично, но Кирилл был циничен. Он всегда был циничен — просто раньше это пряталось за улыбкой, за шутками, за песнями. Теперь, когда мир снял все маски, его цинизм вышел наружу, как кость из-под кожи. И Кирилл обнаружил, что ему с этим нормально. Ему было нормально с пустотой внутри. Ему было нормально с мёртвыми людьми на улицах. Ему было нормально — и это пугало его больше, чем мгла. Потому что пугаться он тоже не мог. Эмоции, которые он изображал всю жизнь — сострадание, радость, горе, страх — были игрой, как и его песни. Он играл чувства. Он не испытывал их.

Но он был жив. И хотел оставаться живым.

На третий день — или четвёртый — он услышал шаги.

— —

Денис нёс парня на плече уже минут двадцать. Мгла на улице была гуще, чем в подъезде, но двигаться можно было — видимость метров пять-семь, не больше, но достаточно, чтобы не врезаться в стену. Ноги скользили по белому налёту, покрывшему асфальт. Этот налёт был повсюду — тонкий, как пудра, но скрипел под ботинками, как снег.

Парень на плече пришёл в себя минут десять назад и теперь шёл сам, держась за рукав Дениса. Он хромал — левая нога плохо сгибалась, — но не жаловался. Только дышал тяжело и часто.

— Как тебя зовут? — спросил Денис, не оборачиваясь.

— Кирилл. А тебя?

— Денис.

— Денис, — повторил Кирилл, будто пробуя имя на вкус. — Ты знаешь, что это?

— Нет.

— Может, авария на заводе? Химический выброс? У нас тут есть заводы, я слышал, на окраине что-то химическое…

— Не знаю, — сказал Денис. — Не важно сейчас, что это. Важно — выбраться из мглы.

— А куда?

— Наверх. Возвышенности. Мгла тяжёлая, она скапливается внизу. Видишь — вон там, у подъезда, она гуще. А там, где горка, — реже.

Кирилл посмотрел. Денис был прав. В низинах мгла стояла по пояс, а на подъёмах — по колено. Парень поразился: сам он этого не заметил, а этот человек — Денис, который вытащил его из квартиры, одетый, собранный, с ножом за поясом — видел это сразу.

— Ты военный? — спросил Кирилл.

— Инженер.

— Инженер, — Кирилл хмыкнул. — Ну да. Инженеры вон что видят.

— Инженеры видят структуры, — сказал Денис. — Мгла — структура. Она движется по градиенту высоты. Низкие места — скопление. Высокие — рассеивание. Значит, надо идти вверх.

— А куда вверх?

— Краснодар — равнина. Но есть террасы у реки, есть насыпи у железнодорожных путей. Идём к вокзалу.

Кирилл кивнул и замолчал. Они шли. Мгла клубилась вокруг них, как живое существо, наблюдающее, оценивающее, ждущее.

Денис шёл и думал. Не о мгле — о ней он уже всё понял, что мог. Он думал о парне за спиной. Лёгкий, хромает, кашляет — но не жалуется. Говорит, но не болтает. Задаёт вопросы, но не глупые. Нормальный. Живой. Первый живой человек за… сколько? Денис не знал. Может,

за день. Может, больше. И этот человек шёл за ним, держался за его рукав, доверял ему — потому что выбора у него не было.

Денис не привык доверять. Он привык рассчитывать. Но расчёт сейчас был простой: двое сильнее одного. Значит, этот парень — ресурс. Ресурс надо беречь. Ресурс надо кормить, лечить, охранять. Это не дружба. Это инженерия.

Но где-то глубоко, под слоями холода и расчёта, под бетоном и арматурой его души, было что-то, что он не показывал никому. Что-то, что заставило его спуститься на третий этаж, когда он услышал кашель. Что-то, что заставило его вытащить чужого человека из задымлённой квартиры. Что-то, что заставило его — один раз, когда ему было семь лет и мать плакала, потому что не было денег на еду — отнести свою единственную игрушку в ломбард и принести ей хлеб.

Он не думал об этом. Он не чувствовал этого. Но это было. Как арматура в бетоне — не видно, но держит всё.

— —

К вокзалу они добрались за два часа. Путь, который в обычной жизни занимал двадцать минут на автобусе, растянулся, потому что мгла заставляла идти медленно, ощупывая пространство. Денис шёл первым, выставив перед собой руку. Кирилл — за ним, держась за куртку.

Горка у железнодорожных путей действительно помогла. Мгла здесь была по щиколотку, и дышалось легче. Они сели на шпалы — холодные, покрытые белым налётом — и Денис достал из кармана телефон. Три процента.

— У тебя есть зарядка? — спросил он.

— У меня есть рюкзак с консервами и фонарик, — ответил Кирилл. — Зарядки нет.

— Тогда телефон — бесполезен.

Денис посмотрел на экран в последний раз. Ни сети, ни сигнала. Он выключил его и убрал в карман. Не выбросил — убрал. Телефон — это металл, пластик, стекло. Может пригодиться.

— У тебя нож есть? — спросил он.

Кирилл показал нож для вскрытия коробок. Тонкое лезвие, тупой наконечник, пластиковая рукоятка.

— Это для коробок, — сказал Денис. — Не для людей.

— А для кого мне нож?

Денис посмотрел на него. Не зло, не насмешливо — оценивающе. Как смотрят на инструмент, прикидывая, для чего он годен.

— Пока не знаю, — сказал он. — Но пригодится.

Кирилл хотел сказать что-то в ответ, но тут из мглы донёсся звук.

Он был тихий — еле слышный, будто долетел издалека, сквозь вату. Но в мёртвом, белом, молчащем мире он прозвучал, как взрыв.

Кто-то плакал.

Детский плач. Тихий, надрывный, тонкий. Голодный плач ребёнка, которому никто не отвечает.

Кирилл вскочил.

— Слышишь?

Денис слышал. Он встал, вытащил нож.

— Стой.

— Там ребёнок!

— Стой, я сказал.

Кирилл остановился. Денис смотрел в сторону, откуда шёл звук. Мгла там была плотнее — низина, ложбинка между насыпью и заброшенным складом.

— Иди за мной, — сказал Денис. — Но если я скажу бежать — бегаешь. Без вопросов.

— Ладно.

Они пошли на звук. Плач приближался. Денис двигался медленно, ставя ногу на носок, потом на пятку — тихо, бесшумно. Кирилл пытался повторять, но получалось плохо — гравий скрипел под кроссовками.

Плач был в тридцати метрах. В двадцати. В десяти.

Денис остановился.

Перед ними, в белой мгле, на асфальте, сидело существо.

Оно было высоким — больше двух метров, если бы стояло. Но оно сидело на корточках, обхватив длинными руками колени. Кожа была бледной, полупрозрачной — сквозь неё виднелись тёмные линии, будто сосуды или вены. Голова — большая, вытянутая, без глаз. Вместо глазниц — гладкая, белая кожа, как у куклы. Рот был открытым, и из него шёл звук.

Детский плач.

Существо плакало. Как ребёнок. Как голодный, испуганный, брошенный ребёнок.

— Что это… — выдохнул Кирилл.

— Тихо, — Денис держал его за руку. — Не двигайся.

Существо замолчало. Голова повернулась в их сторону. Медленно, как у совы — без рывка, плавно. Рот закрылся. Потом открылся снова, и из него полился новый звук:

— По-мо-ги-те.

Голос. Человеческий. Женский. С мольбой.

— Помогите… пожалуйста… здесь…

Кирилл почувствовал, как волосы встали дыбом. Существо не разговаривало — оно воспроизводило. Как попугай, как магнитофон, как эхо чьего-то чужого голоса. Оно не понимало слов. Оно использовало их как приманку.

Денис отступил на шаг. Кирилл — за ним.

— Уходим, — шепнул Денис. — Медленно. Не бегом.

Они отступали. Существо не двигалось. Оно сидело и смотрело на них — не глазами, которых не было, а чем-то другим, неосязаемым. Как будто чувствовало их присутствие, как будто пробовало на вкус их дыхание.

Когда до насыпи оставалось пять шагов, существо встало.

Оно было ещё выше, чем казалось сидящим. Два с половиной метра. Длинные, тонкие, как палки, руки свисали почти до земли. На концах пальцев — когти. Белые, костяные, острые. Тело — угловатое, без признаков пола, без одежды, без волос. Только бледная кожа, тёмные вены и этот гладкий, безглазый лик, повёрнутый к ним.

И оно побежало.

Быстро. Не по-человечески быстро — как паук, длинными, ломаными скачками. Каждый шаг — метра три. Руки раскачивались, как маятники, когти чертили борозды по белому налёту на асфальте.

— Беги! — крикнул Денис.

Они побежали. В горку, к насыпи, к шпалам. Кирилл бежал первым — он был моложе, легче, быстрее. Денис — за ним, но не потому что медленнее, а потому что озирался, оценивал, считал расстояние.

Существо догоняло.

Кирилл запрыгнул на насыпь и оглянулся. Денис был в трёх метрах от склона. Существо — в пяти за ним. Два прыжка, три…

Денис остановился. Развернулся. Нож в руке — не выставлен, а прижат к бедру, скрыт. Он стоял, чуть присев, наклонив голову. Ждал.

Существо прыгнуло.

Когти полетели к горлу. Денис ушёл вбок — не назад, вбок, шагом влево — и вонзил нож в бок твари. Лезвие вошло легко, как в тесто, и Денис тут же отпрыгнул. Существо взвыло. Не человеческим голосом — не детским плачем — низким, вибрирующим, как оторванная струна. Оно развернулось, длинная рука хлестнула по воздуху. Денис уклонился, но второй рукой тварь достала его — когти прошлись по плечу куртки, разорвав ткань и кожу под ней.

Денис не закричал. Он ударил снова — снизу, в мягкое под тем местом, где у человека был бы подбородок. Нож вошёл по рукоятку. Существо дёрнулось, изо рта хлынула жидкость — не красная, а белёсая, как разбавленное молоко. Оно упало на колени, потом завалилось набок. Ноги — длинные, тонкие — ещё дёргались, когти скребли по асфальту.

Денис стоял над ним. Дышал тяжело. Левая рука — в крови. Не белёсой, а красной. Своей.

Кирилл стоял на насыпи, открыв рот. Он смотрел на Дениса — на его спину, на ровную, неподвижную спину человека, который только что убил существо ростом в два с половиной метра одним ударом, не издав ни звука. И теперь стоял над ним, как мясник над тушей, спокойно, без страха, без восторга. Просто — сделал работу.

— Что это было? — спросил Кирилл, когда Денис поднялся к нему.

— Не знаю, — ответил Денис, осматривая рану на плече. Порез — неглубокий, но длинный, от плеча к локтю. Кровь текла, но не хлестала. — Перевязать надо.

— Я видел, как у меня в баре люди так же… задыхались. А потом они не вставали. А это — встало?

— Это не человек, — сказал Денис. — Человек не плачет детским голосом, чтобы заманить. Это — мутант. Что-то, во что превратились люди или животные после мглы.

— Или новый вид.

— Или новый вид, — согласился Денис. — Неважно. Важно, что их, скорее всего, больше одного.

Кирилл достал из рюкзака аптечку. Нашёл бинт, антисептик. Он разрезал рукав куртки Дениса ножом, обработал рану.

— Терпи, — сказал он.

— Не щекочет, — ответил Денис.

— Ты серьёзный человек, Денис.

— Я живой человек, Кирилл. А серьёзность — это побочный эффект.

Кирилл улыбнулся. Он улыбался легко, рефлекторно, как дышал. Это было его оружие — не нож, не кулаки, а улыбка. Люди доверяли тем, кто улыбается. Люди открывались тем, кто шутит. Кирилл знал это с детства. Он не был злым — нет. Он просто не чувствовал того, что изображал. Радость от улыбки, сочувствие от слов поддержки, боль от чужой беды — всё это было на поверхности, как наклейка. Внутри — холодная, ровная тишина.

Он смотрел, как Денис стискивает зубы, пока антисептик жжёт рану, и думал: «Этот человек пригодится. Он не паникует. Он действует. Он умеет убивать и не ломаться. Мне — нужен.»

— Ты живёшь один? — спросил Кирилл, заматывая бинт.

— Один. А ты?

— Тоже. Ну, теперь — оба по одному. Можно объединиться, а?

Денис посмотрел на него. Взгляд — прямой, немигающий, как у кошки, которая оценивает, друг ты или добыча.

— Зачем тебе?

— Затем, что один я сдохну, — сказал Кирилл честно. — А с тобой — может быть, нет. Ты умеешь драться. Я умею искать припасы. Ты — сила. Я — быстрота и обаяние. Идеальный дуэт.

— Обаяние в этом мире больше не работает, — сказал Денис.

— Ошибаешься. Люди всегда люди. Даже если мир рухнул. Особенно если мир рухнул. Люди тянуться к тем, кто их радует. Я умею радовать. Ты умеешь защищать. Что не так?

Денис помолчал. Потом кивнул — коротко, без лишних слов, как делал всё.

— Ладно. Но правила мои. Делаем то, что я скажу. Без обсуждений.

— Ты и диктатором был до катастрофы?

— Я был инженером. Инженер — это тот, кто решает, что поставить, куда поставить и сколько поставить. В том числе — жизнь и смерть.

Кирилл снова улыбнулся. Ему нравился этот человек. Не потому что он был хорошим — он не был хорошим, он был жёстким, как бетон. Но он был надёжным. А надёжность — единственная валюта в мире, где деньги превратились в бумагу.

Они сидели на шпалах. Белая мгла текла под насыпью, как молочная река. Где-то вдалеке — за километры, за десятки километров — может быть, кто-то ещё был жив. Может быть, кто-

то ещё дышал, ел, боялся, надеялся. А может быть, они были одни. Двое мужчин на железнодорожной насыпи в белом, мёртвом мире, с ножом, фонарём и рюкзаком консервов.

— Денис, — сказал Кирилл. — Ты не спросил, как я выжил.

— Не спрашиваю. Ты выжил — значит, выжил. Метод не важен. Результат важен.

— Я тоже хочу знать, как ты выжил.

— Я проснулся, увидел мглу, задержал дыхание, оделся, вышел. Галина Петровна из квартиры напротив — мертва. Соседей не проверял. Времени не было. Я услышал тебя — спустился. Всё.

— Вот так просто? Проснулся и — всё?

— А как надо? Заплакать? Упасть на колени? Помолиться? — Денис сплюнул на гравий. — Мир кончился. Это факт. Факты не требуют эмоций. Они требуют реакции.

— А ты реагируешь, как робот.

— Я реагирую, как человек, который хочет жить. Робот — это который не хочет. Я хочу.

Кирилл замолчал. Он смотрел на белую мглу и думал: «Робот. Холодный, расчётливый, безжалостный. Но — хочет жить. И ради этого он готов на всё. На убийство, на боль, на одиночество. Он не сломается. Я — может быть, сломаюсь. Но я не сломаюсь рядом с ним.»

А Денис думал: «Этот парень — не такой, как кажётся. Слишком спокоен для человека, который только что увидел мутанта. Слишком улыбчив для мира, который умер. Либо он дурак, либо — тоже умеет носить маску. Интересно, какая у него под маской.»

Он не спросил. Денис не задавал вопросов, ответы на которые могли ему не понравиться. Он предпочитал знать людей по поступкам, а не по словам. Слова лгали. Поступки — нет.

— Идём, — сказал он, вставая. — Надо найти крышу над головой. Ночью будет хуже.

— Откуда знаешь?

— Мгла собирается ночью. Днём, на возвышенностях, её меньше. Ночью — будет повсюду. Если мы будем спать на улице — задохнёмся.

— Куда идти?

— В сторону промышленной зоны. Там склады, цеха, подвалы. Что-нибудь найдём. И по дороге — заглянем в магазины.

Они двинулись вдоль железнодорожных путей. Мгла слева, мгла справа, шпалы под ногами, белое небо над головой. Мир без теней — потому что не было солнца, чтобы их отбросить. Всё было равномерно белым, равномерно мёртвым, равномерно освещённым этим странным, без источника, светом.

Денис шёл первым. Нож — в руке. Глаза — вперёд.

Кирилл шёл за ним. Рюкзак на спине. Фонарик — в кармане. Улыбка — на лице.

Они были первыми людьми, которых встретили друг друга в новом мире. И они были совершенно разными — как лёд и пламя, как тень и свет. Но в мире без теней оставался только свет. И в этом свете — они шли вместе.

— —

Промышленная зона начиналась за путями, через полтора километра. Мгла здесь была гуще — низина, заводские корпуса стояли в белом тумане по грудь. Денис привязал к лицу мокрый шарф, Кирилл — тоже. Они шли, как аквалангисты на дне: видимость — метр, звук приглушён, движения медленные.

Первый корпус — бывший консервный завод. Дверь — металлическая, заперта. Денис не стал ломать — ищи ключи или ломай замок, это время, а время — жизнь. Он пошёл дальше.

Второй корпус — что-то с обвалившейся крышей. Бесполезно.

Третий — двухэтажное здание из красного кирпича, советской постройки. На стене — выцветшая надпись: «Краснодарский механический завод. Производственный цех №4». Вход — двойные двери, одна из которых была приоткрыта. Денис толкнул её локтем, заглянул внутрь.

Темно. Мгла проникла сюда, но стояла у пола, не выше колена. Над ней — воздух, тяжёлый, но пригодный для дыхания. Денис шагнул внутрь.

Цех был пуст. Станки — ржавые, советские, разбитые. Конвейерная лента — порванная, свисающая с роликов. На стенах — плакаты по технике безопасности, пожелтевшие от времени. На полу — белый налёт и… следы.

Денис присел. Следы были босые, длинные, с отпечатками пальцев, которые были слишком длинными и тонкими для человеческих. Они вели вглубь цеха, к лестнице на второй этаж.

— Шептун, — сказал Кирилл.

— Или несколько, — ответил Денис. — Не пойдём наверх. Ищем другой выход.

— Может, они ушли?

— Может. А может, нет. Я не хочу проверять.

Они двинулись к задней стене цеха. Там — пожарный выход, тяжёлая дверь с механизмом «антипаника». Денис толкнул планку. Дверь открылась. За ней — двор, заваленный ящиками и обломками бетона. Мгла стояла по пояс.

— Нет, — сказал Денис. — Это не подходит. Нужен подвал или бункер. Что-то ниже уровня земли, где мгла не достанет, но с вентиляцией. И с возможностью запереться.

— Подвал, — повторил Кирилл. — Подвалы — это где мгла как раз собирается.

— Не любой подвал. Если есть два выхода, один выше, один ниже — конвекция. Воздух движется. Мгла оседает внизу, чистый воздух — наверху. Мы живём посередине.

— Ты инженер, — сказал Кирилл. — Ты реально инженер.

— А ты реально музыкант?

— Реально.

— Тогда ты бесполезен.

— Ой.

— Пока, — уточнил Денис. — Пока — бесполезен. Потом — разберёмся.

Кирилл усмехнулся. Он не обиделся. Ему было всё равно. Обиды — это для мира, где обиды имели значение. Здесь, где люди умирали от тумана и превращались в безглазых тварей, обида была роскошью, которую нельзя себе позволить.

Они вышли из двора и пошли вдоль забора. За забором — ещё корпуса, ещё трубы, ещё ржавые конструкции, утопающие в белом. Денис искал системно, как инженер: он мысленно выстраивал карту промышленной зоны — корпус за корпусом, дверь за дверью. Отбрасывал ненужное, отмечал перспективное. Кирилл шёл за ним и молчал, потому что понимал: сейчас его задача — не мешать.

Через полчаса Денис остановился.

Перед ними — холм. Не естественный, искусственный, земляной, с бетонными воротами, вкопанными в склон. Над воротами — ржавая вывеска, буквы на которой ещё читались:

«ГО» — гражданская оборона. Убежище №47.

Денис подошёл к воротам. Тяжёлые, металлические, на роликах. Приоткрыты — не полностью, но достаточно, чтобы протиснуться. Внутри — бетонный коридор, уходящий вниз. Мглы — нет. Совсем. Воздух — затхлый, но чистый.

— Вот это, — сказал Денис, — это нам подходит.

— Это бункер?

— Убежище гражданской обороны. Советское. Строили в шестидесятых-семидесятых, на случай ядерной войны. Бетон, фильтрация, вода, запасы… ну, запасы, скорее всего, уже никуда. Но стены — вечные.

— А почему оно открыто?

Денис помолчал.

— Может, кто-то открыл. Может, не закрыл в своё время. А может, кто-то внутри.

Они переглянулись. Денис достал фонарик Кирилла, включил. Луч — белый, яркий — упал в темноту коридора. Бетонные стены, бетонный пол, трубы вентиляции под потолком. На стенах — таблички: «Выход», «Медпункт», «Помещение для укрываемых». Стрелки, ведущие вниз.

— Идём, — сказал Денис.

— Вдвоём? В темноте? В бункере, где, может быть, мутанты?

— Если там мутанты — лучше встретить их с фонарём, чем без. Если там люди — лучше встретить их вооружёнными. А если там пусто — у нас есть дом.

Кирилл хотел возразить, но не стал. Он понимал логику. Логика была железная — как и всё, что делал Денис.

Они вошли.

— —

Бункер был маленьким — по советским меркам, рассчитанным человек на пятьдесят. Коридор — десять метров, поворот направо, ещё пять метров — и они в главном помещении. Длинное, узкое, с двумя рядами наров по стенам. В конце — дверь с надписью «Медпункт». Слева — дверь с надписью «Санузел». Справа — «Кладовая». На потолке — две лампы, не работающие. На стенах — плакаты: «При ядерном взрыве — ложитесь на пол, прикройте голову», «Защитные свойства убежища», «Правила поведения в убежище».

Пусто. Никого — ни живых, ни мёртвых, ни мутантов. Запах — затхлый, бетонный, но не противный. Воздух — застойный, но дышать можно.

Денис обошёл помещение, проверил каждую дверь. Медпункт — пустые полки, ничего ценного. Санузел — не работает, но есть бачок с водой, закрытый, и, может быть, трубы к скважине. Кладовая — пустые стеллажи, несколько картонных коробок с противогазами (резина сгнила), бочки с водой (вода — мутная, но Денис не стал пробовать).

— Здесь можно жить, — сказал он.

— Здесь можно умереть от скуки, — сказал Кирилл.

— От скуки не умирают. Умирают от глупости. Скука — это когда ты жив и здоров.

Кирилл сел на нары. Холодные, железные, с тонким матрацем, который, наверное, был таким же со времён постройки. Он откинулся к стене и закрыл глаза.

— Денис.

— Что.

— Спасибо, что вытащил меня.

Денис не ответил. Он стоял в дверях бункера, смотрел в коридор и думал. Он не чувствовал благодарности — не потому что был злым, а потому что благодарность была не нужна. Он вытащил Кирилла, потому что тот был живой и мог ходить. Не из жалости, не из сострадания — из расчёта. Два человека сильнее одного. Это инженерия. Это логика. Это — выживание.

Но где-то, глубоко — под слоями холода и расчёта — было что-то, что он не показывал. Что-то, что заставило его спуститься на третий этаж, когда он услышал кашель. Что-то, что заставило его вытащить чужого человека. Он не думал об этом. Но это было. Как арматура в бетоне — не видно, но держит всё.

— Ложись спать, — сказал Денис. — Я посторожу первым.

— А потом?

— Потом — ты. Если сможешь.

— Смогу.

— Тогда спи.

Кирилл закрыл глаза. Через минуту он спал — глубоко, ровно, как человек, который умеет спать где угодно и когда угодно. Это был талант. В старом мире он помогал ему на гастролях, в поездах, в чужих квартирах. В новом — он спасал ему жизнь.

Денис сидел у входа в коридор, спиной к стене, нож на коленях. Фонарик — выключен, чтобы не тратить батарейку. Темнота — абсолютная. Тишина — абсолютная. Только дыхание Кирилла на нарах — ровное, спокойное, живое.

В этой темноте, в этом бункере, в этом мёртвом мире — Денис впервые за день позволил себе подумать. Не о выживании, не о мгле, не о мутантах. О матери. Она жила в Ростове. Триста километров. В обычном мире — три часа на машине. В этом — три века пути.

Он не знал, жива ли она. Не знал, была ли в Ростове мгла. Не знал, работает ли телефон, работает ли связь, есть ли вообще кто-то за пределами этого белого, молчащего ада.

Он не знал — и поэтому отложил. Как инженер откладывает нерешаемую задачу, чтобы вернуться к ней, когда будет больше данных. Сейчас данных не было. Были: бункер, нож, Кирилл, мгла снаружи и тишина внутри.

Этого хватит. На сегодня — хватит.

Денис закрыл глаза. Не спал — отдыхал. Через два часа он разбудил Кирилла.

— Твоя очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.